

УДК 070.4(091)
ББК 76.023-8

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ И РЕДАКТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.Д. КРЮКОВА В ЖУРНАЛЕ «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

Евгения Александровна Смирнова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается творчество Ф.Д. Крюкова как редактора и рецензента журнала «Русское богатство», в котором происходило творческое становление писателя и в котором были опубликованы лучшие его произведения. В работе описаны принципы оценки рецензентом рукописей, формы его работы с авторами журнала. Проза писателя анализируется в контексте журнала «Русское богатство», в том числе публицистическом.

Ключевые слова: журнальный контекст, Ф.Д. Крюков, «Русское богатство», казачество, публицистика.

Ф.Д. Крюков (1870–1920) – писатель, журналист, политик, более 20 лет сотрудничал в «Русском богатстве», в котором с 1913 года был соредактором беллетристического отдела. Уволившись с должности библиотекаря Горного института, в 1912 году Ф.Д. Крюков писал Горнфельду: «Хочу попробовать хлеба от «свободной профессии» – литературной» [5]. Собственно, ни в литературе, ни в журнале Крюков не был случайным гостем. Его тесное и плодотворное сотрудничество в «Русском богатстве» началось еще в 1896 году – с публикации «Казачки». Кроме того, в 1907 году вышел его первый сборник рассказов – «Казачьи мотивы», получивший положительные критические отзывы.

В марте 1911 года после смерти одного из редакторов – П.Ф. Якубовича – руководство «Русского богатства» пригласило Крюкова (с 1909 года пайщика товарищества по изданию журнала) на освободившуюся должность, и с 1912-го он стал соредактором от-

дела беллетристики (наряду с В.Г. Короленко и А.Г. Горнфельдом). В отделе сложилось определенное разделение функций между сотрудниками. Бесспорным авторитетом, конечно же, был Короленко. Об этом «сепаратном» принципе А.В. Пешехонов писал ему так: «На свою роль в чтении беллетристики мы смотрим так: наше дело отбрасывать мусор. Поэтому мы посылаем Вам (В.Г. Короленко – Е.С.): а) вещи признанных авторов или наших сотрудников, б) хотя бы в малой мере литературные произведения. Посылаем иногда даже в тех случаях, когда сами считаем статьи неприемлемыми. Делается это по двум соображениям: во-первых, Вы – лучший судья и, во-вторых, может быть, сочтете нужным обратить на того или иного автора внимание, поощрить его в своем ответе и таким образом не отпугивать от литературы и журнала» [3].

Основная форма редакторской работы Короленко с беллетристами – советы авторам, главным же критерием оценки их твор-

чества – прогрессивная и общественная значимость тематики. Причем он был объективен в своих суждениях: честен с несостоявшимися «писателями», с подающими надежду – взыскателен и бережен.

Считая Короленко своим учителем в писательском становлении, Крюков очень дорожил его мнением как редактора, часто обращался к нему за советом. Короленко понимал, как нелегко начинающему редактору, всячески старался приободрить коллегу, приводил в пример забавные случаи из своей редакторской практики, когда он допускал такие же ошибки, как и Крюков: «Не унывайте, Федор Дмитриевич. По началу-то оно трудненько, да и после работа (редактора – Е.С.) не ахти веселая. Но привычка все-таки великое дело» [10, 26]. А позднее добавил: «Терпи, казак, будучи одним из атаманов «Русского богатства» [4].

Крюков, конечно, терпел, но все же частенько жаловался: «Редактор я из рук вон плохой, – писал он Горнфельду. – Как ни воспитывает меня Ал. Вас. (Пешехонов – Е.С.), как ни распекает – никакого толку... И если бы не был я сейчас так ущемлен обстоятельствами, – просил бы освободить меня от сего почетного, но для меня чрезмерно трудного звания» [6]¹.

Крюков оказался способным учеником. Переняв редакторскую манеру Короленко и следуя литературной политике журнала, писатель тщательно вычитывал рукописи, вел активную переписку с авторами, давал дельные советы, делал толковые замечания. Особым тактом отличалось отношение Крюкова к молодым авторам, которым он уделял доброе, товарищеское внимание, причем без тени менторства. «Учитесь, работайте и пристально читайте самую интересную, по словам Тургенева, книгу – окружающую Вас жизнь», – писал он И.Н. Захарову, когда тот просил «практического указания, как быть, как действовать, к чему примкнуть». «Никогда это не указывается извне, – отвечает Крюков, – каждый должен сам в себе, своей совестью и мыслью, решить вопрос о той тропе, по которой надо идти» [8].

Штатную редакторскую деятельность Крюков начал, имея за плечами своеобразный «профессиональный» опыт: в переписке с дру-

зьями, пробуящими себя в литературе, он обменивался с ними мнениями по поводу написанного или напечатанного. Так, в письме от 10 октября 1903 года Крюков пишет А.И. Тинякову, своему ученику по Орловской гимназии: «К неизвестности» в целом мне не понравилось, я нахожу хорошим начало, очень хорошим – конец, а середину очень слабой. Много повторений, много растянуто. Когда я читал эту вещь во второй раз, мне так и хотелось перекрестить, то есть вычеркнуть некоторые места. Описание любви и любовных объяснений вам совершенно не удалось: много сантимента и мало простых, наиболее сильных в этом случае слов. Вообще музыка слов и их сочетаний вас слишком увлекает, и – правду сказать – Вы мастер в музыкальности фразы. Их символ и тонкость оттенков Вам плохо удаются, хотя Вы и пробуете для выражения их новые, на мой взгляд – рискованные средства. Я повторяю свое прежнее мнение: Вам лучше всего удаются небольшие стихотворения в прозе, а большие вещи выходят слабыми и растянутыми. Напечатанные вещи, например, мне нравятся. Но сотрудничать в «Орловском вестнике» Вам не советую – особенно сотрудничать бесплатно. От «Грифа» тоже не жду для Вас особой пользы. Мне все почему-то кажется, что из «...волн декадентской поэзии» Вы жизнью будете вдвинуты в многообразную поэзию окружающей Вас жизни, и так как Вы не лишены способности наблюдения, анализа и синтеза, то вы непременно натолкнетесь на мысль – изобразить в звуках те уголки жизни, которые станут доступны для Вашего изучения.

В общем, советую Вам побольше учиться, работать и присматриваться ко всему, что Вас окружает» [7].

Дабы не отбить у начинающих писателей (действительно обладающих талантом) тягу к сочинительству, Крюков-редактор, как и Короленко, подробно, но очень осторожно, без резких выпадов и чересчур строгих оценок, разбирал рукописи. Так, например, в письмах к И.Д. Сазанову (от 10 июня, 22 июня и 16 сентября 1913 года) он анализирует его рассказ «Дети и отцы». «Вы можете его починить кое-где и может быть, придать ему больше стройности, и затем опять пришлите, если желаете видеть его на страницах «Рус-

ского богатства». Здесь же дается ряд замечаний, касающихся сазановских произведений. «Рассказ, в сущности, мы ведь не забраковали, а вернули его для более удачной отделки, у нас ведь, казачьих писателей, – и у Вас, и у меня, и у Серафимовича – один общий недостаток особенно выпукло чувствуется: излишество романтизма. Живописуем мы свое родное недостаточно трезво, подкрашиваем, усиливаем и светлые, и темные тона, а полутеней совсем нет. Надо бы больше объективизма, поменьше лирики, – лучше было бы. Но конечно, легче дать совет, чем выполнить его. Мне трезвое изображение казачества не дается никак». «Духом не падайте, Иван Дмитриевич, работайте, наблюдайте, дерзайте и учитесь. Учиться нам всем надо, а то мы очень даже степные люди... <...> Пишите и присылайте нам написанное. Если что и вернем, то не беда. <...> Продумывайте, Вам же на пользу пойдет» [2]. Рассказ Сазанова был опубликован в осенней книжке «Русского богатства за 1915 год. Позже он неоднократно присылал в редакцию свои рукописи.

Короленко иногда специально подбирал Крюкову рукописи для редактуры, учитывая его «казацкую руку». В частности, он рекомендовал «Капри» и «Неаполитанские рассказы» Лозино-Лозинского просматривать другому редактору журнала – Горнфельду. «Вы, Федор Дмитриевич, почти наверное согласитесь со мной. Не в казацком это вкусе. Лучше пусть посмотрит Арк. Георгиевич. Думаю, что и он согласится со мной, но он лучше нас просмакует и Капри, и посвящение (стишина по-итальянски) и другое тому подобное в экзотически-итальянском вкусе» [10, 30].

С другой стороны, Крюков открыл двери журнала для многих писателей-дончаков. К нему неоднократно обращался с просьбами посодействовать начинающим писателям А.С. Серафимович, с которым велась, помимо редакционной, и дружеская переписка. Но тот всегда был беспристрастен в оценке, не признавая литературного «кумовства». Так, на присланные Серафимовичем стихи («Поэт – молодой учитель с несомненным дарованием, надо поддержать. Знаете, как трудно пробиваться молодежи. Если подойдет, пригрейте начинающего») Крюков ответил: «Со сти-

хами ничего не вышло. Оригинальные признаны бедными, серенькими, а японские – испорченное переложение недавно вышедшего перевода в прозе – «Японская лирика». В прозе они душистее, точнее передают чувство, а в слабых стихах – неважные частушки. Не сердитесь: не мой приговор, общий» [1].

Еще в самом начале редакторской карьеры Крюкову приходилось иногда единолично разбирать рукописи и руководить беллетристическим отделом, поскольку Короленко и Горнфельд были в отлучке. Как свидетельствует редакционная документация, он вполне справлялся со своими обязанностями: читал рукописи, правил корректуру, готовил к публикации художественные произведения. Однако он опять-таки был предельно осторожен в своих оценках. Вот, например, строки из его письма к И.П. Малютину: «Статья Ваша, присланная на имя В.Г. Короленко, едва ли скоро будет им прочитана, так как он за границей (в Румынии). Я прочитал те два стихотворения, которые были в письме на мое имя, – в оценке стихов я не компетентен, но имел бы кое-какие возражения против некоторых, так сказать, прозаизмов и несколько избитых мест, но в общем эти стихотворения, несомненно, свидетельствуют о полной литературности Ваших поэтических опытов и, вероятно, кое-что из них будет взято «Русским богатством». В настоящий момент только некому прочесть их, ибо заведующие беллетристическим отделом (Короленко и Горнфельд) оба в отлучке».

Следуя за Короленко в своих писательских критериях оценки литературных произведений, он советовал: «Попробуйте просто, не мудрствуя лукаво, изобразить прозой то, «чему свидетелем Вы в жизни были», – может быть, подойдет для печати. Только повторяю: будьте просты, правдивы, избегайте особой вычурности. Вы вот пишете: «Маленький, дескать, я человек» и пр. А покойный Чехов с присущим ему юмором говаривал по сему случаю: «Все собаки имеют право лаять – и большие, и маленькие». Отчего же не подать голоса и людям, которые считают себя маленькими? От больших-то людей не очень ведь тесно» [9].

Образ «маленькой собачки», получившей дозволение лаять, уже использовался Крюко-

вым в его рецензиях на книги, поступавшие в отдел библиографии, в котором он начал сотрудничать с 1905 года. В августовском номере появились его первые отзывы на «Передел» Н. Степаненко, «Пестрядь. Рассказы и наброски» Е.И. Любич и «Люди темные» Ф. Тищенко. По журнальной традиции, рецензии были анонимны, их авторство установлено по гонорарным книгам «Русского богатства» (ОР РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 1277). Перу Крюкова принадлежат 14 рецензий, опубликованных в разделе «Новые книги», в котором давались отзывы на новую литературу практически по всем отраслям знания [см.: 11].

Жанр рецензии предполагает информирование читателя о чем-либо новом и побуждает адресата к определенной деятельности. Проблема «Что читать народу?» была актуальной для «Русского богатства», поскольку одной из функций журнала была просветительская. Отделом библиографии руководил Горнфельд, который по количеству выполненных им рецензий был первым среди всех сотрудников «Русского богатства». Активное участие в работе отдела принимали В.Г. Короленко, П.Ф. Якубович, В.В. Лесевич, П.В. Мокиевский, В.А. Мякотин и другие видные писатели, философы, историки, экономисты.

Подбор материала для рецензий обосновывался эмпирически: рецензент должен был не только знать читательскую аудиторию журнала и тему произведения, но и владеть критическим материалом по проблеме, а следовательно, быть объективным в своих оценочных суждениях. Итогом рецензий, согласно жанру, было не столько разрешение дилеммы «нравится/не нравится» та или иная литература (или псевдолитература), сколько ответ на вопрос: Почему? Чем же она так хороша (или плоха)?

Крюков с этой задачей справлялся блестяще. Его оценка действительности, отраженной в произведениях, дается через призму собственного восприятия, поскольку предмет изображения рецензенту хорошо известен. В основном это деревня, глухой уголок с «темными» жителями, армейская среда, война и ее последствия («Повести из современной офицерской жизни» Н. Бутовского – 1914. № 4), «Кровавое зарево. Очерки войны» А.С. Панкратова – 1916. № 5); и, разумеется, прошлое и настоящее казачества

(«Уральцы. Очерки быта уральских казаков» Железнова – 1910. № 12) и т. д.

Именно рецензию на «Передел и другие рассказы» Н. Степаненко Крюков и начинает чеховским афоризмом: «Все собаки имеют право лаять – и большие, и маленькие» (Русское богатство. 1905. № 8. С. 59), который, как он полагает, «может служить оправданием многим маленьким писателям, которые не только пишут, но и издают свои писания отдельными книжками». Чем не фельетонное начало?

Отметим, что именно началу рецензии придавал Крюков важное сюжетно-композиционное значение: с первых строк он высказывал свое отношение к предмету.

Далее рецензент с иронией пишет о том, что Степаненко пробует «повторить своими словами» то, что «ему понравилось из прочитанного» – из этого и «составлена целая книжка рассказов». Крюковские ремарки остроумны и едки: «г. Степаненко несколько злоупотребляет яркостью и цветистостью слога, что производит такое впечатление, как будто он воробья жарит на костре»; «Все содержание рассказа состоит в том, что Прошка (герой рассказа Степаненко «В степи» – Е.С.) был голоден, громил жизнь и даже замышлял что-то ужасное (что именно – так и не выяснилось), что повергало в трепет его товарища».

В следующей рецензии этого номера журнала Крюков «громит» г-на Любича, чьи «рассказы полны подавляющих ужасов. Вот, например, волостной писарь, преисполненный благородства и чувствительности, подрался со своей женой и убил ее (кулаком). Описание драки и суда свидетельствует, с несомненностью, что г. Любич внимательно читал рассказы Л. Андреева» (Русское богатство. 1905. № 8. С. 61).

Такие рассказы, как у Любича, по мнению Крюкова, производят «очень веселое впечатление. И больше ничего».

Книга Ф. Тищенко «Люди темные. Бель, рассказанная крестьянином» Крюкову в целом понравилась, поэтому и отзыв на нее в целом благожелательный. Рассказ «о темных людях, которые всю жизнь работали и мечтали выкупить отцовский надел» «написан правдиво, простым, хорошим языком». Но стилистичес-

кой «гладкости» не достаточно для подлинно художественного произведения. «...Мораль были так и остается неясною», идея автором не раскрыта. Выводы же, которые может сделать читатель, «слишком уж звучат тем непротивлением злу, которое проповедовалось в многочисленных рассказах, написанных в той же манере. <...> Жизнь, однако, далеко ушла от этой проповеди» (Русское богатство. 1905. № 8. С. 62), – пишет Крюков, опять-таки взывая к «правде жизни», проповедуемой редакторским коллективом «Русского богатства».

Этому критерию соответствуют «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» И. Железнова, рецензия на которые опубликована в декабрьской книжке журнала за 1910 год. Крюков упоминает, что появление бытовых очерков Железнова на страницах «Современника» и «Русского слова» в конце 50-х годов XIX века было восторженно встречено тогдашней критикой, признавшей подлинный и неподдельный талант автора. Конечно, по мнению Крюкова, спустя почти полвека, «техника письма и манера художественного изображения ушли далеко вперед», поэтому «многое в писаниях талантливому казаку показалось бы наивным, неуместным, ненужным, досадно засоряющим художественную ценность непосредственного, безыскусственного произведения» (Русское богатство. 1910. № 12. С. 141–144).

Этот отзыв отличается от предыдущих и по объему, и по форме подачи материала. Это уже не фельетон, здесь нет места иронии. Крюков пишет даже не о книге – «Уральцы» уже были хорошо известны, выдержав до этого два издания. Он дает краткий историко-литературный очерк жизни и творчества Железнова, имя которого, как замечает критик, «составляет гордость лучшей части уральского казачества», а «его честность, гражданское мужество, самоотверженное служение народным интересам не могли не привлечь к нему сердец даже не сходных с ним по мировоззрению людей». Рецензент сходится во взглядах на казачество с автором «Уральцев»: «Железнов с тоскою вспоминает о казацкой старине», «было что-то подкупающее в его казацком романтизме, тоске по старине, по старинному свободному укладу» (Русское богатство. 1910. № 12. С. 142). Крюков в той же «старине» видит и все лучшее, что

присуще донскому казачеству, в его прошлом находя источник душевной красоты и добропорядочности. К такому выводу писатель неоднократно приходит в своих собственных очерках и рассказах.

С момента вступления в должность редактора «Русского богатства» Крюков начинает сотрудничать в отделе библиографии более интенсивно. В 1913 году напечатаны его рецензии на «Город в степи» (№ 6) и «Рассказы. Т. V.» (№ 12) Серафимовича, на «Повесть о днях моей жизни» Ив. Вольнова (№ 7).

Автор не заикливается только на анализе того или иного издания. Он делает своеобразный библиографический обзор предмета изображения. Так, например, в рецензии на «Повесть о днях моей жизни» Крюков пытается проследить типологию «деревенских» персонажей в русской демократической литературе: «М. Горький пробовал в «Лете» вывести «сознательных» мужичков, новых людей деревни, но сорвался. Ныне во всех изображениях крестьянской жизни преобладает наклон в сторону «беспощадной» правды, обнажающей, вскрывающей темные недра деревни. <...> Достаточно вспомнить тенденциозную повесть Родионова или последние рассказы И. Бунина». Но эта «беспощадная правда», отмечает рецензент, вышла «несколько однобокой»: «Озверения, пьяной жестокости, бессмыслия и темноты беспросветной, беззащитности и немого рабского страха тут хоть отбавляй. Иные страницы производят прямо потрясающее впечатление, давят как кошмар, – и тут же рядом что-нибудь шаблонное, анекдотически-чрезмерное». Частенько изменяет Вольнову чувство меры. Однако несмотря на эту «чрезмерность» в книге, подытоживает Крюков, «изображение деревенского мира, редкое по силе и яркости», «есть образы незабываемые» (Русское богатство. 1913. № 7. С. 324–325).

Следуя своей редакторской политике, Крюков заканчивает рецензию оптимистично: «Трудно еще пока определенно судить о размерах дарования молодого автора. <...> Но очень хотелось бы думать, что эта автобиография – «повесть о днях моей жизни» – не будет его единственной хорошей книгой».

На «Город в степи» рецензент дал благожелательный отзыв, хотя и опасался, что его

обвинят в «односумстве», то есть землячески пристрастном отношении к произведению. Тем более, что рецензии на этот роман в «Современном мире» и в «Русских ведомостях» были резко отрицательными.

Пятый том «Рассказов» Серафимовича Крюков также хвалит, но не по причине близкого знакомства с автором, а только апеллируя к художественным достоинствам его произведений. Однако он отмечает и недостатки рассказов: «отсутствие чувства меры – основная слабость таланта А. Серафимовича». Но замечание сделано очень тактично, с присутствием Крюкову мягким юмором. В подтверждение тезиса о том, что основной «суровый и безрадостный» мотив сборника – «жизнь жестока и безжалостна, жизнь трагически бессмысленна» (Русское богатство. 1913. № 12. С. 388), критик пересказывает содержание рассказа Серафимовича «Странная ночь». Акушерка едет по вызову к роженице, неизвестно куда, в каком-то ящике, с одноглазым, страшным и бессловесным мужиком-кучером, причем в пути конь выделяет какие-то странные коленца, по дороге им встречается непонятное зверье и т. п. «Автору просто нравится пугать, – шутит Крюков. – По всему видно, что человек он мягкий, добрый, ясный, а тут прикинулся мрачным, взял низкую ноту, подобно калике переходящему с огромной сумкой за спиной, скривившему шею, взлохматившему сухие, нечесанные волосы и нарочно хриплым басом тянущему монотонную псалму: «А вже ж мое гришно тило наболелося, А вже ж душа моя гноем напиталася...» (Русское богатство. 1913. № 12. С. 389). Финал «Странной ночи» («Хороша странная, когда у героини рассказа от страха шевелятся волосы на голове», – удивляется рецензент) оказывается неожиданным: акушерка попала... к «голодным странствующим ярмарочным артистам, которые кормились между прочим от убогого зверинца – однако и она, и с нею читатель страху-то набрались через край». «Есть рассказы и пострашнее», – предупреждает рецензент. В этом несоответствии трагической трактовки как истинно трагических, так и анекдотических сюжетов состоит, по мнению Крюкова, «изобразительная слабость» Серафимовича, хотя и «несомненного художника, ярко, красочного, постоянно ищущего и, несомненно, совершенствующегося» (Русское богатство. 1913. № 12. С. 390).

Вновь использует чеховскую метафору «собак, имеющих право лаять», Крюков в рецензии на «Тунгусские рассказы» Ис. Гольдберга в апрельском номере «Русского богатства» за 1914 год. «Никому не причинят беспокойства и литературные упражнения г. Гольдберга», – считает рецензент. Он высмеивает недостатки изобразительного и фактического плана, удивляясь: «Не совсем понятно, почему именно автор выдает свои рассказы за *тунгусские*, а не за цыганские или патангонские. <...> Почему столь обольстительная красавица называется Эвгалак, а не Зара или Джемма, или – наконец – Рахиль? Что в ней тунгусского, кроме имени, неизвестно. Страницы пестрят ... тунгусскими именами... Но самих тунгусов не видно» (Русское богатство. 1914. № 4. С. 374). В творениях Гольдберга нет самого главного: «хоть малого зерна, но подлинной, художественно убедительной, не из пальца высосанной правды».

Для Крюкова-рецензента характерно неприятие новомодных стилевых изысков, лжеинноваторства, псевдооригинальности и различных «модернистских ненужностей». Все в произведении, считает он, должно служить правде жизни, и всего должно быть в меру.

Для Крюкова-рецензента характерно неприятие новомодных стилевых изысков, лжеинноваторства, псевдооригинальности и различных «модернистских ненужностей». Все в произведении, считает он, должно служить правде жизни, и всего должно быть в меру.

Всем этим требованиям не соответствующим «Близкое и Далекое» и «Трагические сказки» И. Рукавишникова, крюковские отзывы на которые опубликованы в августовских книжках «Русского богатства» за 1914 и 1915 годы. Первая рецензия начинается с упоминания об одном не так давно случившемся литературном курьезе, имевшем место в творческой практике В. Брюсова, воспевшего «в звучных строфах адюльтер с... козой». Этот курьез и «подвигнул» И. Рукавишникова на своего рода поэтическое соревнование, который «изложил в стихотворной <...> форме, как он прелюбодействовал с... чугунной статуей черта... И побил рекорд, заставил говорить о себе» (Русское богатство. 1914. № 8. С. 306). Об этом же прецеденте Крюков пишет и в рецензии на «Трагические сказки»: «В драматических его опытах <...> те же знакомые черты, всюду сопутствующие поэту, воспевшему во время оно свое прелюбодейное действо с чугунной статуэткой черта <...>: «дерзновенные»

приемы изображения, выверты, претендующие на новизну, а в сущности однообразные кривляния и ломания, потуги слабосилия, забавные и жалкие» (Русское богатство. 1915. № 8. С. 331). Книги Рукавишников дадут известность их автору только «вывертами стиля. Упрости его – ничего не останется» (Русское богатство. 1914. № 8. С. 307).

Несколько крюковских отзывов посвящены книгам военной тематики, которая была знакома писателю не понаслышке. Будучи на фронте военным корреспондентом, он видел весь ужас войны. Поэтому к оценке фронтовой литературы он подходил особенно объективно, с точки зрения не только достоверности, но и полезности книги для читателя. «Наступит, вероятно, время, – писал он в рецензии на «Кровавое зарево» А. Панкратова (1916. № 5), – когда о войне мы будем иметь литературу «настоящую», достойную серьезного внимания, свободную от фальши, соответствующую переживаемым ныне событиям», где «окажется налицо наконец – хоть крупными, хоть малыми осколками – то дорогое, о чем теперь изголодалась душа: правда...». Пока же – это относится и к Панкратову – такой литературы нет.

В рецензии на «Повести из современной офицерской жизни» Н. Бутовского (1914. № 4) Крюков отмечает, что «даже с самой малой художественной меркой нельзя подойти к этим повестям: лубок, и лубок третьесортный. <...> Ныне многие военные генералы стали кормиться от пера». Однако, к удовольствию сотрудника «Русского богатства», есть книги, «не только по цели издания, но и по разнообразию и интересу содержания» заслуживающие «самого широкого распространения». Это о «Невском альманахе. Жертвам войны – писатели и художники» (1915. № 7), который, по мнению Крюкова, «выгодно отличается от других сборников торжественного назначения тем, что в нем совершенно отсутствует беллетристика на военные темы, удручающая фальшью и надуманностью одинаково под пером и даровитых, и бездарных писателей» (Русское богатство. 1915. № 7. С. 318).

В том же номере опубликована рецензия на книгу С.Т. Семенова «Двадцать пять лет в деревне». Семенов был известен как автор нескольких томов «Крестьянских рас-

сказов». Анализируя последнее издание, Крюков отмечает, что автор «не поднимается выше посредственного уровня и выдерживает лишь самые умеренные требования», но «он ценен как ... летописец деревенской жизни». «По изображению деревенской темноты, дикости, невежества, косности, бесправия и незащищенности в нашей литературе имеются книги более яркие, сильные и убедительные, <...> но по степени безыскусственной простоты, искренности и документальной правдивости это – книга <...> единственная, в которой даже недостаток художественной изобразительности является лишним свидетельством ее верности подлинной деревенской действительности». «Особую ценность и поучительность» книги рецензент видит в «собственной, вполне объективной передаче С.Т. Семенова истории его борьбы с «миром», которая «характеризует прогрессивность выделенцев полнее и точнее, чем его выводы из наблюдений».

Заметим, что аграрной теме публицистами «Русского богатства» уделялось очень большое внимание. Реформам в области земельной политике посвящались обзоры «Хроника внутренней жизни», «На очередные темы». Да и беллетристическая составляющая журнала зачастую предметом изображения избирала именно преобразование (экономическое, аграрное, политическое) деревни. Сам Крюков посвятил этой проблеме несколько очерков («Шаг на месте», «Без огня», «Отрада» и др.).

Верное, в понимании «Русского богатства» и самого Крюкова, изображение действительности дается А. Туркиным в очерках «Степное» (небольших рассказах из башкирской жизни), рецензию на которые Крюков публикует в шестом номере журнала за 1914 год. На фоне «особого деревенского уклада, окраинного, степного, с «заимками», необозримыми полями пшеницы, «уремами» и пр.» – «самая подлинная, злободневная российская современность: земельная сумятица в связи с указом 9-го ноября, административно-ссылные, пережившие душевный перелом, гимназисты-экспроприаторы, исключенные семинаристы – низвергатели устоев, становые и урядники, безвозбранно властвующие над деревней, совестливые земские началь-

ники, состоящие под подозрением, и разного звания сонные и культурные люди» (Русское богатство. 1914. № 6. С. 323). Другое дело, что «изображает их автор несколько однотонно и тускло», словно по образцу. Но есть и «яркие, законченные, незабываемые фигуры. А рассказы о башкирах, по мнению рецензента, – «лучшее в нашей литературе из этой забытой области наблюдения» (Русское богатство. 1914. № 6. С. 324).

У Крюкова есть несколько статей, в основе которых – отклик на чье-либо литературное творение, прочтение которого становится лишь поводом, толчком к размышлениям о проблемах, затронутых в книге. Поэтому назвать рецензиями такие работы можно с натяжкой – они и по жанру, и по объему, и по разделу, в котором опубликованы, по праву относятся к литературно-критическим статьям. Таких, правда, немного: криптонимом «Ф.Кр.» подписана статья «Армейская дидактика» (1912. № 3), под псевдонимом «И. Гордеев» увидели свет «Прожектеры» (1912. № 7), «Возрождение деревни» (1913. № 7 – первая часть статьи под общим названием «Сиятельная литература»), «Мастеровые или подвижники?» (1914. № 4).

Поводом к написанию «Армейской дидактики» послужила «книжица» В.М. Кульчицкого «Советы молодому офицеру», случайно увиденная Крюковым у выпускника одного из военных училищ – тому ее выдали по окончании «в качестве руководства к предстоящей <...> новой деятельности», велел «заучить как катехизис». «Благие цели», названные в предисловии («избавить молодых офицеров от промахов как в частной жизни, так и на службе») побудила Крюкова к прочтению этого «учебника». И что же он увидел?

Наряду с полезными отчасти сведениями (как, где, в какой форме должен быть офицер в различных ситуациях) и правилами «хорошего тона и благовоспитанности» следуют «правила офицерской этики». И почему-то эти правила читаются не иначе как анекдоты, например: «За полковыми дамами не ухаживай (в пошлом смысле). <...> Ищи женщин на стороне»; «в интимной жизни будь очень осторожен» – «полк твой верховный судья», «скажи, с кем ты знаком и что читаешь, и я скажу, кто ты», «итак, будь

порядочным офицером». «Хотя и не прибавлено: «Так говорил Заратустра», – отмечает Крюков, – но, судя по тону, это само собой должно подразумеваться» (Русское богатство. 1912. № 3. С. 147). Последующие советы сделаны в том же духе («Не кути за чужой счет», «Услугами чужого денщика не пользуйся, ничего не приказывай – не тактично. Помни всегда: «если хочешь жить, дай жить другим» и т. д. и т. п.).

Публицист акцентирует внимание читателя на том пункте военной этики, который оговаривает армейские взаимоотношения. «Не умея владеть оружием, не обнажай его!», – гласят «Советы». Но уж если обнажил – бей наповал («и с одного раза»), поскольку мертвый на суде не свидетель, «а живой непременно оклеветает да еще содержи его по приговору экспертов и суда» (имеется ввиду закон об ответственности за убийство «при обстоятельствах, включающих в себе признаки оскорбления офицерской чести» (Русское богатство. 1912. № 3. С. 148)). Следовательно, существует некая лицензия на убийство? Главное, чтобы мотивировка была подобающей, и ненаказуемость практически гарантирована.

В «Советах» также декларируется презрительное отношение к «штатским обывателям» – к «шпакам». Рецензент приводит реальные примеры бесчинства офицеров по отношению к гражданскому населению. Но он надеется, что «не вся армия проникнута такими представлениями о порядочности и чести, какие рекомендует г. Кульчицкий, а с ним и некоторые военные воспитатели». На армию давно следует обратить внимание, но пока «свободно и победоносно раздаются лишь казенно-патриотические голоса» (Русское богатство. 1912. № 3. С. 149). Не правда ли, очень современно звучит и поныне?

Есть, однако, и другие постулаты армейской службы, нежели пропагандируемые в «Советах» Кульчицкого. Крюков дает выдержки из газеты «Военный голос»: «Необходимо принять все меры к тому, чтобы как вся офицерская семья в целом, так и каждый ее член в отдельности были возможно ближе к народу, – чтобы между последними и корпорацией офицеров стала невозможной наблюдаемая ныне отчужденность, а

нередко даже и вражда» (Русское богатство. 1912. № 3. С. 151).

Крюков заканчивает статью цитатой из приказа старого «служаки-генерала» Жигалина, который просит офицеров «Беречь доброе имя своей чести». И рекомендует Кульчицкому в следующих изданиях «Советов» «обратить свою дидактику и в эту сторону» (Русское богатство. 1912. № 3. С. 152).

Фельетон «Прожектеры» – критика одного из экономических проектов, «имеющих осчастливить Россию» – генерала Тилло, опубликованного в «Новом времени». Россия была охвачена неурожаем и голодом. И дабы преодолеть «голодную смуту», разрабатываются «грандиозные проекты спасения любезного отечества, которому грозит мрачная будущность от надвигающихся враждебных стихий, проекты, рисующие соблазнительнейшие картины благополучия, если... будут подписаны соответствующие ассигновки на осуществление блестящей мысли, озарившей прожектера» (Русское богатство. 1912. № 4. С. 143). Большинство из этих преобразовательных новаторских планов – хорошо забытое старое, но проект Тилло отличается особой масштабностью (следовательно, больших капиталовложений и, разумеется, прибыли для автора проекта). Чего только стоит предложение засадить пятидесятиверстовыми полосами леса всю Россию – от Каспия и Волги до Китая! И еще несколько новаций в том же духе. Учитывая то, что причиной всех несчастий Тилло видит «мороз (утренник) и мглу, мельчайшую солонцеватую пыль» и т. п., Крюков с иронией предлагает оградиться от утренника, идущего с Ледовитого океана («не от пустыни же Гоби!») заборчиком. Правда, фельетониста все-таки одолевает сомнение в серьезности намерений Тилло: проект был опубликован первого апреля... Но если генерал действительно хочет «еще при жизни вернуть Родине долг», поскольку она ему «много дала», то, как это ни трогательно и благородно, «родине приятно было бы получить долг несколько более доброкачественной монетой» (Русское богатство. 1912. № 4. С. 148).

С этим фельетоном перекликается статья «Возрождение деревни», посвященная «Известиям «Русского Зерна» (упоминаемого и в «Прожектерах») – изданию непериоди-

ческому», в сопроводительной записке к которому содержалась просьба графини А.З. Муравьевой дать отзыв о книжке «в виду того, что цели, преследуемые обществом, несомненно, имеют большое образовательное и воспитательное значение для русского народа» (Русское богатство. 1912. № 7. С. 299). Крюков, хорошо знающий этот «русский народ», критикует «общество сановных, чиновных и титулованных лиц», поставившее себе «скромную цель «возрождения земледельческой Руси». Рецензент понимает, что все «сиятельные» нововведения, «стажировки» крестьян на западных землях ни к чему хорошему ни приведут. А выделяемые «субсидии» – «какая-нибудь капля меду в лежащих бабьих бунтах»² (Русское богатство. 1912. № 7. С. 302) – зачастую оборачиваются для мужика трагедией.

Наконец, в статье «Мастеровые и подвижники» Крюков, посвятивший преподаванию около 15 лет, пишет о предмете, хорошо ему знакомом. Книга ему не понравилась («серенькая»), но как документ ценная, поскольку задолго до появления рабочего класса народный учитель боролся «за свободу и лучшую долю трудовых масс». «Мы и сейчас, – писал Крюков, – присутствуем при самом ожесточенном натиске реакционных сил на народную школу и народного учителя» (тема, излюбленная публицистами «Русского богатства»). Учителю, констатирует писатель, приходится пока не наносить удары, а принимать их на себя. «И мы знаем, сколько эта серая масса маленьких, скромных, отовсюду стиснутых людей выдвинула из себя в недавние годы самоотверженных борцов и истинных героев» (Русское богатство. 1914. № 4. С. 373).

Все крюковские рецензии и литературно-критические выступления звучат в журнальном контексте весьма актуально и современно (некоторые – и по сей день). Литературно-критическая часть занимает в творчестве писателя не столь большое место, нежели беллетристика и публицистика. Он не был профессиональным литературным критиком. Собственно, он и не стремился им быть. Однако, как красноречиво свидетельствуют работы Крюкова – редактора, критика и рецензента, мог бы вполне успешно им стать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Позже, в письме от 9 июля 1913 года Крюков опять жалуется: «По отношению к редакторским обязанностям я, по-прежнему, из рук вон плох... Ал. В-ч помалкивает (он жалеет, а не жалит)».

² Крестьяне не желали «разверстываться», уходить жить на хутора, считая, что «в деревне жить веселее». Особенно противились «заграничным» нововведениям в деревне женщины. Крюков пишет: «Бабы драмы, бабы бунты на той самой почве «возрождения деревни» <...> в последнее время становятся, по-видимому, бытовым явлением. Сообщалось же недавно из Мглинского уезда о том, как бабы оказали сопротивление землеустроителям, пытавшимся вырезать некоему Пузику отрубной участок в 70 десятин из огородов слободы Покровской (земля получше, ценнее). Бабы взяли грудных детей на руки и пошли в церковь, чтобы с хорунгвьями и иконами выйти в поле, – авось, думали, постыдятся землемеры детей и святых икон. Икон бабам не дали взять, и они пошли с детьми. Землемеры со стражниками приступили уже к работам. Бабы с воплем полегли на цепи и мерные ленты и остановили работы. Были пушены в ход нагайки, но бабы претерпели избивание и не ушли с огородов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письма Ф.Д. Крюкова А.С. Серафимовичу // РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Ед. хр. 283.
2. Письма Ф.Д. Крюкова И.Д. Сазанову // РГАЛИ. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 28.
3. Письмо А.В. Пешехонова В.Г. Короленко от 16.08.1911 // РО РГБ. Ф. 135. Разд. 31. Ед. хр. 53.
4. Письмо В.Г. Короленко Ф.Д. Крюкову от 18.07.1913 // РГАЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 676.
5. Письмо Ф.Д. Крюкова А.Г. Горнфельду от 16.09.1912 // РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 356.
6. Письмо Ф.Д. Крюкова А.Г. Горнфельду от 20.06.1913 // РО РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 294.
7. Письмо Ф.Д. Крюкова А.И. Тинякову от 10.10.1903 // РО РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 22. Л.4498.
8. Письмо Ф.Д. Крюкова И.Н. Захарову от 25.11.1912 // РГАЛИ. Ф. 1348. Ед. хр. 35. Оп. 4.
9. Письмо Ф.Д. Крюкова И.П. Малютину от 17.05.1911 // РГАЛИ. Ф. 1359. Оп. 1. Ед. хр. 17.
10. Родимый край. – Усть-Медведицкая: Север Дона, 1918. – 75 с.
11. Смирнова Е.А. Проза Ф.Д. Крюкова в публицистическом контексте «Русского богатства»: Дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Смирнова. – Волгоград, 2004. – 216 с.

LITERARY-CRITICAL AND EDITORIAL WORK OF F.D. KRYUKOV IN THE MAGAZINE “RUSSIAN WEALTH”

Evgenija Aleksandrovna Smirnova

Candidate of Philology (PhD),
Docent of the Department of Journalism and Media Communications,
Volgograd State University
stilvolusu@mail.ru
University Avenue, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article considers the work of F.D. Kryukov as the editor and reviewer of the magazine “Russian Wealth”, in which the creative formation of the writer took place and in which his best works were published. The paper describes his principles of assessment of manuscripts and forms of his work with the authors of the magazine. The writer’s prose is analyzed in context of the “Russian wealth”, including publicistic context.

Key words: magazine context, F.D. Kryukov, “Russian wealth”, Cossacks, publicism.